

Причины революционного кризиса в России 1905–1917 гг.

Комментарий на полемику
Б. Н. Миронова и С. А. Нефедова

П. В. Турчин

Полемика, которая развернулась между Б. Н. Мироновым и С. А. Нефедовым – пример того, как история, буквально на наших глазах, превращается из описательной в теоретическую и аналитическую науку. В процессе спора оба автора апеллируют к общим теориям исторического процесса и, самое главное, привлекают гигантские массивы количественных данных, подтверждающих ту или иную точку зрения.

Дискуссия между Мироновым и Нефедовым напоминает мне острую полемику, которая велась в конце прошлого века на тему, было ли рабство в американских южных штатах экономически эффективным способом организации труда. Обе стороны в споре соглашались в резко отрицательной моральной оценке использования рабского труда. Но, согласно традиционной точке зрения, рабство было не только отвратительно по моральным соображениям, но оно также было крайне неэффективным экономически. Группа экономистов и экономических историков, возглавляемая Р. Фогелем, проанализировала большой массив данных, имеющихся для США, и обнаружила, что рабы производили существенно больше продукции за единицу времени, чем свободные фермеры. Этот результат вызвал бурю протеста. Результаты Фогеля и соавторов были проверены и перепроверены, но сейчас этот вывод широко признан научным сообществом. В 1993 г. Роберт Фогель был удостоен Нобелевской премии по экономике, в частности и за эту работу.

Полемика между Мироновым и Нефедовым идет по двум взаимосвязанным вопросам. (1) Наблюдался ли в позднеимперской России мальтузианский кризис? (2) Каковы были основные причины русских революций 1905–1917 гг.? Я сосредоточусь на втором вопросе, так как меня, в первую очередь, интересует способность нашего научного направления эмпирически проверять общие теории исторического процесса, в данном случае, неомальтузианство и структурно-демографическую теорию (СДТ).

Однако я должен отметить, что хотя обе теории упоминаются в статьях дискуссантов, основной упор обоими авторами был сделан на неомальтузианство, т.е. был ли революционный кризис в России вызван

ухудшением благосостояния народа. Хотя С. А. Нефедов должен был выступать сторонником СДТ, которой посвящена его замечательная книга (Нефедов 2005), в данном споре он почему-то откатился на позиции неомальтузианства. Но родоначальник структурно-демографической теории, Дж. Голдстоун (Goldstone 1991), с самого начала четко отмежевал свою теорию от «грубого» (по его выражению) мальтузианства. Обнищание народа – не единственный, и даже не самый важный из факторов, ведущих к революции.

Дело в том, что против сплоченных элит и сильного государства народные восстания практически не имеют шанса на успех. Но долгосрочный демографический рост ведет не только к ухудшению благосостояния народа, он также имеет серьезные последствия для определенных структур общества, таких как, социальная стратификация и государство/власть (поэтому теория и включает слово «структура» в свое название). В частности, рост населения сопровождается быстрым ростом социального неравенства. В результате, растут оба «хвоста» распределения доходов за счет середины, и в то время как увеличивается процент населения за чертой бедности, небольшая прослойка богатеет.

Возникает ситуация, которая в СДТ характеризуется как «перепроизводство элиты». Численность элит растет и за счет биологического воспроизводства элитных семейств, и за счет социальной мобильности разбогатевших простолюдинов. В какой-то момент численность элит превышает свою «экологическую нишу», что вызывает рост внутриэлитной конкуренции и конфликтов, в свою очередь ведущих к фрагментации элит. Возникает слой т.н. «контр-элит» – обедневшие дворяне, младшие сыновья, «элитные аспиранты» из разбогатевших крестьян или купцов, и т.д. Их не устраивает сложившаяся структура власти, они и устраивают революции. В определенном смысле, перепроизводство элиты аналогично перенаселению. Но существенная разница заключается в том, что недовольство элит, в отличие от недовольства народа, напрямую ведет к ослаблению и, в конечном итоге, развалу государства, революциям и гражданским войнам.

Понятно, что в двух параграфах я не могу адекватно описать богатую ткань обратных связей, постулируемых СДТ (и которые характеризуют реальные исторические общества). Более полная картина дана в специальных публикациях посвященных СДТ (см.: Турчин 2007, Turchin 2006). Кроме того, в соавторстве с С.А. Нефедовым мы исследовали 8 вековых циклов в Англии, Франции, России и Риме (Turchin, Nefedov 2009). Этот эмпирический анализ показал, что перепроизводство элиты – наиболее универсальный структурно-демографический механизм. Во всех восьми исследованных случаях предкризисный период характеризовался перепроизводством элиты. В частности, в поздней имперской России мы наблюдаем следующую динамику.

В первой половине XIX века землевладельческие элиты заметно усилили давление на крестьян (Нефедов 2005: 4.1). Выросли барщина и оброк. Кроме того, помещики разными способами экспроприировали землю крестьян. Ухудшающееся благосостояние народа можно проследить по динамике среднего роста и реальной заработной платы (см. Рис. 1). Средний рост достиг минимума в 1860-е годы, а заработная плата на 20 лет позже. Лаг между ростом и зарплатой частично объясняется тем, что антропометрические данные показаны по году рождения, но окончательный рост складывается в результате условий (питание и эпидемиологическая среда), испытываемых в течение первых 20 лет жизни. Ухудшающееся благосостояние привело к тому, что в 1847–1949 гг. разразился демографический кризис. Неурожай, голод и эпидемии унесли около 1 миллиона жизней. Число крестьянских волнений росло экспоненциально: от 10–20 в год в начале века до 162 в 1848 г. и 423 в 1858 г. (Литвак 1967). Это сыграло немалую роль в решимости правительства провести реформы 1860-х годов.

Как показал Б.Н. Миронов в серии работ (включая обсуждаемую статью), в результате реформ положение крестьянства стало постепенно улучшаться. Однако, Великие Реформы, перераспределяя ресурсы от дворян к крестьянам и государству (Нефедов 2005), имели непредвиденные последствия.

Между 1858 и 1897 г. численность потомственных дворян в 41 губернии европейской России (исключая польские губернии) выросла более чем в 2 раза: от 234 до 478 тыс. (Корелин 1979). В то же время общая площадь земли, принадлежавшая дворянам, сократилась с 78 до 58 млн десятин (Соловьев 1979). Средний размер поместья в черноземных губерниях только между 1870 и 1897 гг. упал с 176 до 104 десятин (Корелин 1979). Быстро рос процент безземельных и обанкротившихся дворян (Нефедов 2005).

Безземельные дворяне в массовом порядке обратились к альтернативным источникам доходов, главным среди которых была государственная служба. Ужесточение конкуренции за места на госслужбе вызвало резкий рост спроса на образование («кризис дипломов» по терминологии Рэндалла Коллинза). Численность учащихся выросла в 4 раза (Нефедов 2005:281). Однако государство было не способно трудоустроить всех выпускников ВУЗов. Между 1857 и 1897 гг. число чиновников увеличилось только на 21% (Миронов 2000: Табл. X.1). Образовался гигантский класс «лишних» людей, который постепенно оформился в контрэлиты. Точнее, в контрэлиты, так как единственное, что объединяло этих людей были ненависть к существующему строю и горячее желание его разрушить. Механизм разрушения прекрасно описан Нефедовым (2005: Глава 5).

Подводя итоги, динамика ключевых показателей, рассмотренная выше, опровергает грубое мальтузианское объяснение причин русских революций 1905–1917 гг. Падение качества жизни простого народа в первой половине и середине XIX века привело к массовым крестьянским выступлениям, но они были легко подавлены государством. Перепроизводство элиты, которое развилось к концу века оказалось гораздо более серьезной проблемой, и привело (в купе с шоком Первой мировой войны) к краху государства и гражданской войне. В отличие от неомальтузианства, СДТ предсказывает именно такую последовательность событий (сначала перенаселение и, после лага, перепроизводство элиты, за ним пик нестабильности). Более того, эта динамика типична для ранее изученных вековых циклов. Например, в средневековой Франции демографический кризис наступил в первой половине XIV века (Великий Голод 1315–1322 гг., Черная Смерть 1348 г.). А пик нестабильности прешелся на 1350–1450 гг. Более того, в этот кризисный период благосостояние народа улучшалось, как показывают данные по реальной заработной плате и среднему росту (Turchin, Nefedov 2009). Таким образом, ничего парадоксального в том, что похожая динамика наблюдалась перед революционным кризисом в России, нет. Тем более что Россия в это время испытывала переход от аграрного к индустриальному обществу, что, в частности, отразилось на росте урожайности зерна.

Аргументация Б. Н. Миронова в основном сводится к критике мальтузианского объяснения революции; он не предлагает четко сформулированную альтернативную теорию. В интервью журналу *Эксперт* (3 ноября 2008 г.) он привлекает элементы теории модернизации для объяснения революции. Модернизационная теория революции была предложена С. П. Хантингтоном 40 лет назад (Huntington 1968). Как отметил еще Ч. Тилли (Tilly 1978), теория эта смутна и противоречива. Насколько мне известно, большинство исторических социологов не воспринимают ее серьезно. В моей работе, которая сейчас готовится к публикации, я показываю, что систематической корреляции между модернизацией и революцией не наблюдается. С другой стороны, прогноз СДТ о том, что должен быть сдвиг по фазе между падением народного благосостояния и волной нестабильности, подтверждается на эмпирическом материале Западной Европы и США. Другими словами, хотя СДТ была разработана и проверена для аграрных государств, она продолжает давать аккуратные прогнозы и для индустриализующихся обществ.

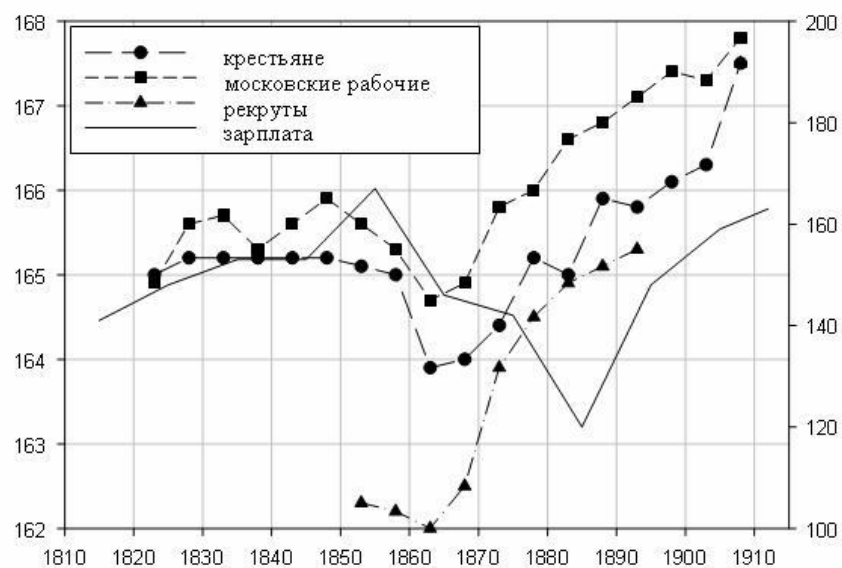
В заключение, сравнение прогнозов неомальтузианской и структурно-демографической теорий с динамикой ключевых показателей, наблюдаемых в поздней имперский период истории России, показывает, что последняя (СДТ) эмпирически более адекватна. Это не значит, что СДТ

объясняет все аспекты русского революционного кризиса. Я уже упоминал такие важные факторы, как промышленная революция и эффект Первой мировой войны. Специфические формы, в которые вылилось перепроизводство элиты, были чисто русские (хотя те, кто общались с латиноамериканской интеллигенцией могут оспорить уникальность русского феномена). Но это не главное. Для того, чтобы история стала настоящей наукой, она должна использовать научный метод, т.е. отвергать одни теории в пользу других в результате сравнения теоретических прогнозов с данными. Мне кажется, что в результате дискуссии между Б. Н. Мироновым и С. А. Нефедовым мы сделали шаг в этом направлении.

Библиография

- Корелин А. П. 1979.** *Дворянство в пореформенной России. 1861–1904 гг.* М.
- Литвак Б. Г. 1967.** *Опыт статистического изучения крестьянского движения в России XIX в.* М.
- Миронов Б. Н. 2003.** Вперед к крепостничеству! Цены и зарплата в Петербурге за три века. *Родина* 8: 15–19.
- Нефедов С. А. 2005.** *Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России.* Екатеринбург: УГГУ.
- Турчин П. В. 2007.** *Историческая динамика: На пути к теоретической истории.* М.: УРСС.
- Goldstone J. A. 1991.** *Revolution and Rebellion in the Early Modern World.* Berkeley, CA: University of California Press.
- Huntington S. P. 1968.** *Political Order in Changing Societies.* New Haven, CT: Yale University Press.
- Mironov B. N. 1999.** New Approaches to Old Problems: The Well-Being of the Population of Russia from 1821 to 1910 as Measured by Physical Stature. *Slavic Review* 58: 1–26.
- Mironov B. N. 2000.** *A Social History of Imperial Russia, 1700–1917.* Boulder, CO: Westview Press.
- Tilly C. 1978.** *From Mobilization to Revolution.* Reading, MA: Addison-Wesley.
- Turchin P. 2006.** *War and Peace and War: The Life Cycles of Imperial Nations.* New York, NY: Pi Press.
- Turchin P., Nefedov S. 2009.** *Secular Cycles.* Princeton, NJ: Princeton University Press.

Рис. 1. Динамика среднего роста (левая шкала, см) и индекса реальной зарплаты (правая шкала) в позднеимперской России

Источник данных: (1) Рост (Mironov 1999), (2) зарплата (Mironov 2003).

Аннотация

Несмотря на то, что и неомальтузианская, и структурно-демографическая теории упоминаются в полемике между Б. Н. Мироновым и С. А. Нефедовым, основной упор обоими авторами был сделан на первой. Спор идет о том, был ли революционный кризис в России вызван ухудшением благосостояния народа. Однако в структурно-демографической теории обнищание народа – не единственный, и даже не самый важный из факторов, ведущих к революции. Падение качества жизни простого народа в первой половине и середине XIX века привело к массовым крестьянским выступлениям, но они были легко подавлены государством. Перепроизводство элиты, которое развилось к концу века оказалось гораздо более серьезной проблемой, и привело (в купе с шоком Первой мировой войны) к краху государства и гражданской войне. В отличие от неомальтузианства, структурно-демографическая теория предсказывает именно такую последовательность событий (сначала перенаселение и, после лага, перепроизводство элиты, за ним пик нестабильности). Более того, эта динамика типична для ранее изученных вековых циклов.